

Сюй Цзыин проснулся ни свет ни заря и не мог сидеть сложа руки. Уговоры дядюшки Пэна не помогли: он в одиночку принялся кромсать полтуши барана. Громкое тук-тук-тук! доносилось из кухни, привлекая внимание многих недоумевающих зевак, замерших вдалеке.

Дядюшка Пэн покачал головой, не говоря ни слова, положил на стол небольшой мешок с кукурузой, развязал фартук и промолвил:

— Молодой господин Сюй, старик пойдет проверит, привезли ли дрова. Вы рубите мясо уже целый час, нож давно пора наточить, отдохните немного.

Помимо категорического запрета Сюй Цзыину бродить где попало, дядюшка Пэн особо ни в чем его не ограничивал. Среди бела дня здесь было многолюдно и шумно, да и Сюй Цзыин далеко бы не ушел, поэтому, отдав пару распоряжений, он удалился.

Сюй Цзыин был облачен в плотно прилегающие одежды серого цвета, на талии завязан фартук, на спине закреплены заплетные лямки, что делало его фигуру еще более стройной и высокой. Закатанные рукава обнажали белые, изящные предплечья, покрасневшее лицо покрывал легкий пот, а кожа казалась почти белой до свечения.

Лязг! Сюй Цзыин бросил затупившийся большой тесак на круглую разделочную доску и только успел вытереть рукавом пот с подбородка, как услышал у входа детский плач.

Повернув голову, он увидел двух худеньких детей, робко стоявших в дверях и смотревших на него. Младший только издал плаксивый звук, как старший тут же закрыл ему рот рукой, и оба они были переполнены страхом.

Сюй Цзыин только хотел окликнуть их, как дети бросились наутек. Посмотрев на пятна крови на своем фартуке и вспомнив, с каким яростным усердием он кромсал кости, он беспомощно подумал: ну вот, напугал людей.

Развязав фартук и вымыв руки, Сюй Цзыин раздумывал, откуда в лагере взялись дети, и, ступив за порог, тут же замер от увиденного.

Не говоря уже о тех двоих, снаружи толпилось с полсотни полураздетых ребятишек — все в лохмотьях и с признаками недоедания.

Однако, несмотря на то что это были дети, в них не было ни капли резвости: большинство без сил сидело на земле, прислонившись к низкой стене, и лишь несколько ребят постарше пытались сообща накачать воды из колодца.

Четыре худых, как щепки, мальчика из последних сил вытащили полупустое ведро, и один из них зачерпнул ладонью чистой воды, чтобы дать напиться стоявшему рядом малышу.

Сначала Сюй Цзыин не хотел вмешиваться, но, присмотревшись, не смог больше смотреть.

Разве это питье? Да они же вливают ее в себя до смерти!

Тот ребенок и так был худым, а от нескольких глотков его живот заметно раздулся, но он все продолжал пить воду без остановки, словно безумный.

Сюй Цзыин подбежал и вырвал у него ведро:

— Хватит пить! Разве можно так играть? Еще немного, и до смерти напьетесь.

У детей были глубоко запавшие глазницы, а глаза казались пугающе большими; все они жалобно смотрели на Сюй Цзыина, не смея даже шевельнуться.

Сюй Цзыин узнал в том мальчике, что поил малыша, того самого, который только что заглядывал в дверь. Непонятно почему они так его испугались, но он опустил ведро и постарался заговорить как можно мягче:

— Зачем вы заставляете его пить столько воды? Разве вы не знаете, что от этого можно заболеть?

Заметив, что Сюй Цзыин не свирепствует, мальчик заикаясь что-то произнес, но Сюй Цзыин прислушался изо всех сил и всё равно ничего не понял.

— Малыш, ты... ты не мог бы повторить?

— Они дети из племени сяньжэнь, говорят не на языке Центрального равнинного Китая.

После такого подсказанного намека Сюй Цзыин только сейчас заметил, что у большинства этих детей вьющиеся волосы, а у некоторых светлый цвет глаз, что выдавало в них жителей национальных меньшинств.

Дети до того истощали, что осунулись до неузнаваемости, и каждый почернел от грязи, поэтому он сразу этого не разглядел. Вспомнив беженцев, которых пару дней назад разместили в военном лагере, Сюй Цзыин подумал, что это, должно быть, они.

Сюй Цзыин обернулся и, увидев говорившего с ним молодого человека, произнес:

— Ты...

У этого юноши были утонченные черты лица, алые губы и белые зубы. Он был одет в простое черное одеяние, а ростом ничуть не уступал Сюй Цзыину.

Но назвать его взрослым парнем мешала некоторая юношеская наивность, поскольку пухлое личико юноши выглядело весьма миловидно, а в руках он держал два огромных... печеных батата.

Сюй Цзыин подумал: с таким аппетитом немудрено иметь пухлые щеки.

Юноша улыбнулся так, что его глаза превратились в щелочки, и тут же откусил кусок батата, раздув щеки.

Батат выглядел так, будто его только что испекли — золотистый, сладкий и еще дымящийся. От этого зрелища дети устали на него, как беззубые голодные волки, не отводя глаз.

Юноша, казалось, совершенно не замечал эту свору жадно смотрящих на него детей и, жуя, невнятно произнес:

— Они слишком голодны, от воды появляется чувство сытости.

— М-м, я понял...

Юноша ел с таким аппетитом, что у Сюй Цзыина даже слюнки потекли, не говоря уже об этих детях, в чьих желудках не было ни крошки. В мгновение ока юноша умял один батат целиком, съев даже тонкую кожицу, не оставив ни крошки.

— Послушай, ты...

Сюй Цзыин не был голоден, но все равно невольно пялился на печеный батат юноши и сглатывал слюну.

Заметив это, юноша, как раз обсасывавших обугленную корочку батата, прижал к груди оставшийся у него единственный клубень и настороженно произнес:

— Не отдам, это мое.

Глядя на то, как юноша принял позу — если попытаешься отобрать мой батат, я буду драться с тобой насмерть, — Сюй Цзыин отмахнулся:

— Нет-нет, я не ем.

Убедившись, что Сюй Цзыин не покушается на его батат, юноша с чуть опущенными уголками глаз радостно заулыбался, выглядя несколько простовато, и снова улыбнулся Сюй Цзыину.

Сюй Цзыин подумал про себя: почему этот парень похож на собаку, охраняющую свою миску? В хорошем смысле это назовешь милым, а в худшем — просто бестолковым.

Сюй Цзыин никогда раньше не видел этого юноши, но, судя по всему, тот тоже был из военного лагеря. Он не стал расспрашивать о происхождении парня, а перевел взгляд на детей.

— Почему они так исхудали от голода? Разве Жун Фэйянь их не кормит?

Юноша громко отрыгнул, погладил живот и только тогда сообразил, что Сюй Цзыин говорит с ним.

— Ты про генерала? Генерал проявил величайшее милосердие, вообще позволив им выжить. Ежедневная пайка риса выдается по норме, но ее вполне достаточно, чтобы наесться.

Юноша даже вытянул палец, очень серьезно перечисляя:

— Белые паровые булочки, лепешки, вяленое мясо, соленья...

Сюй Цзыин вовремя прервал его:

— Тогда почему эти дети выглядят так, будто у них во рту маковой росинки не было?

Юноша ответил:

— Потому что взрослые из племени сяньжэнь припрятали большую часть еды. Они боятся, что если их выгонят, то им нечего будет есть, поэтому следят лишь за тем, чтобы эти дети не умерли с голоду.

Закончив говорить, он добавил еще одну фразу:

— Особенно те дети, у которых нет ни отца, ни матери.

Услышав это, Сюй Цзыин глубоко нахмурился:

— Разве нельзя с этим что-то сделать?

Юноша моргнул, находя его слова странными:

— В военном лагере каждый день полно забот и хлопот, с чего бы кому-то заниматься такими мелочами?

— И то верно... — Сюй Цзыин постепенно привыкал к тому, что древний мир нельзя сравнивать с современным, и то, что Жун Фэйянь вообще согласился приютить этих беженцев, уже было неплохо.

Припомнив всё, Сюй Цзыин вспомнил, что Жун Фэйянь позволил этим беженцам войти в лагерь именно из-за него.

На душе у Сюй Цзыина стало немного скрести, он всё еще помнил, что Жун Фэйянь — еще тот лжец. Посмотрев еще немного на детей перед собой, он на мгновение замер, а затем повернулся и вернулся на кухню.

Продукты на кухне каждый день готовили заново. Время завтрака только что прошло, и в котле

осталась лишь некоторая часть недоеденной рисовой каши. Сюй Цзыин разбавил ее водой, разложил по мискам для еды, а также отыскал несколько фарфоровых чашек и вынес всё это на улицу, чтобы накормить детей.

Увидев еду, дети, хоть и были обессилены, тут же подбежали. Сюй Цзыин накладывал кашу чашку за чашкой, стараясь сделать так, чтобы все они поели как можно быстрее.

Большинство детей, получив чашку, торопливо приседали у стены и принимались пить кашу. Однако несколько ребят, хотя были безумно голодны, все же сначала низко кланялись Сюй Цзыину и только потом босиком уходили прочь, прижимая к себе миски.

Хотя Сюй Цзыин не понимал их языка, он знал, что они благодарят его. На сердце у него разлилась горькая волна, и он подумал: вы лишились родителей, но вам нельзя умирать с голодом так же, как мне когда-то.

Закончив разливать рисовую кашу, Сюй Цзыин заметил, что юноша пристально смотрит на опустевшую миску. Пока он находился в растерянности и недоумении, юноша робко улыбнулся ему:

— Я тоже хочу выпить.

Сюй Цзыин:

—

<http://bllate.org/book/18792/1825616>